

УДК 821.161

Сергей Тузков

АНТИЕВАНГЕЛИЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО „БЕСЫ”: НИКОЛАЙ СТАВРОГИН И ПЕТР ВЕРХОВЕНСКИЙ

Аналіз роману Ф.Достоевського „Біси” здійснюється крізь призму опозиції „М. Ставрогін – П. Верховенський”, яка ретроспективно відображає ситуацію боротьби добра та зла у сучасному світі. Підкреслюється, що вирішального значення в їх протистоянні набуває іронічне світосприйняття першого та цинізм другого: сьогодні ставрогіні – еретики, а біси-верховенські – винюхувачі ересі.

Ключові слова: Ф. Достоевський, опозиція, боротьба добра та зла, іронія, цинізм, ересь.

Скрытой интригой романа Ф. Достоевского „Бесы” является противостояние П. Верховенского и Н. Ставрогина: „Широкомасштабная провокация Петра Степановича, предполагавшая убийство Шатова и самоубийство Кириллова, имела <...> конечную цель: обрести союзника, соучастника и соруководителя смуты в лице Ставрогина” [7, с.203]. **Цель нашей статьи** – обозначить основные вехи этого противостояния, ретроспективно отражающего ситуацию борьбы добра и зла в современном мире.

Н. Ставрогин и П. Верховенский – в соответствии с авторским замыслом – сосуществуют в едином символическом поле, но на различных его смысловых полюсах (красоты и уродства, света и тьмы, Христа и Антихриста), о чём свидетельствует и этимология их фамилий: распятию на кресте (Ставрогин от греч. *стаурос* – Т-образный крест), душевному и физическому страданию противопоставляется стремление **в е р х о в о д и т ь**, всюду быть первым. Отсюда – неизбежные библейские аллюзии в литературоведческих работах, посвящённых интерпретации романа Ф. Достоевского. „Главный бес” – П. Верховенский – естественно, чаще всего ассоциируется с образом Антихриста, тем более, что он открывает парадигму „бесов” (Ф. Дзержинский, В. Менжинский, А. Вышинский) и „бесенят” (В. Жириновский, В. Яворивский...) XX-XXI веков. Особое значение при этом приобретает, на первый взгляд, казалось бы, случайная деталь: между прочим, выясняется, что П. Верховенский, вероятнее всего, сын не Степана Трофимовича, а безымянного поляка, которым однажды увлеклась его мать [2, с. 309]. Но тогда расцветшее в России „бесовство” становится не порождением, а извращением русского либерального идеализма; его истоки – в западном материализме (Ср.: в 1871 году, когда в каждом

номере журнала „Русский Вестник” по частям печатались „Бесы” Ф. Достоевского, была провозглашена Парижская Коммуна).

Ставрогин примыкает к онегинско-печоринскому типу личности: многие исследователи видят в нём оборотня, скрывающегося под масками Христа и Антихриста: „Принадлежа то свету, то тьме, Ставрогин каждым персонажем воспринимается одновременно в обоих полюсах ...” [1, с. 133]. Но: если одной из ипостасей Ставрогина является Христос, а другой – Антихрист, то становятся понятны его „инфернальность” и иррациональная пассивность, которая особенно заметна на фоне чрезвычайной, „бесовской” активности П. Верховенского.

В романе и – в главе „У Тихона”, которая обычно не включается в основной текст произведения Ф. Достоевского (По мнению многих исследователей (далеко не БЕС-спорному), глава „У Тихона” уничтожает, убивает Ставрогина, сводя его феномен к тривиальному, исповедальному образу и приговаривая к неизбежности однозначного толкования как „раскаивавшегося грешника, не могущего раскаяться до конца” [1, с. 134]. Иначе считает, например, Ю. Карякин: „Глава „У Тихона” – это же всё равно что купол собора, расписанный гениальными фресками, пусть поцарапанными, с выщербленными местами, с отбитыми кусками... не будем сомневаться: вопрос о восстановлении главы – это вопрос только времени” [4, с. 334]); упоминаются лишь немногочисленные поступки Ставрогина:

- отказ от блестящей карьеры: „... как-то безумно и вдруг закутил..., связался с каким-то отребьем петербургского населения...” [2, с. 60-61];

- соращение Матрёши: именно соращение, а не насилие – Ставрогин добивается, чтобы десятилетняя девочка сама его ласкала [2, с. 666-671];

- женитьба на полубезумной калекке Марье Лебядкиной: „Безобразнее нельзя было вообразить ничего...” [2, с. 672];

- изощрённое издевательство над жителями губернского города [2, с. 65-71];

- „создание” энтузиастов, поражённых моноидеей (Шатов, Кириллов, П. Верховенский);

- исповедальное письмо и самоубийство.

Все они, казалось бы, противоречат здравому смыслу и – на первый взгляд – свидетельствуют в пользу его болезни. Версия – всё объясняющая и всех устраивающая (Ср.: Чацкий, Онегин, Печорин...).

Ставрогин – асоциален: он понимает абсурдность обывательских принципов, которые служат залогом существования общества и, не принимая его ценностей, пренебрегает принятыми нормами, моралью и мнениями, презирает человеческую глупость и – как следствие – **с т а д н о с т ь**! Разумеется, не придерживаясь общепринятых норм поведения, Ставрогин разрушает (губит) не только свою жизнь, но и жизни близких ему (любящих его) людей – матери, Лизы, Шатова, Кириллова... Однако сознательно он занимается только

саморазрушением, чему в немалой степени способствуют его раздвоенность и предельное равнодушие.

„Привычка к равнодушию” превращает его „духовные поиски” в бесконечную (их бессмысленность и безрезультативность очевидны!) цепь, состоящую из звеньев полупреступлений. „Срывы” Ставрогина носят скорее экспериментальный, чем стихийный характер – испытывают давление „рассудочного ножа”, – но ни аргументами „за”, ни доказательствами „против” не убеждают его в существовании Бога, а значит, „не вовлекают сердце в органическую область совести, покаяния и любви” [8, с. 244]. Из героев романа Ф. Достоевского, пожалуй, только он естественно вписывается в ситуацию современного мира, в котором – по словам Ф. Ницше – Бог умер (ср., Ставрогин: *„Чтобы сделать соус из зайца, нужен заяц; чтобы уверовать в Бога, нужен Бог”* [2, с. 259]).

Думается, наиболее точную оценку Ставрогину – из всех известных нам – даёт Т. Касаткина: „Ставрогин – высший тип ироника у Достоевского, да и, наверное, во всей мировой литературе” [5, с. 71]. Эта мысль для нас важна ещё и потому, что в своей работе Т. Касаткина сравнивает и противопоставляет иронию и цинизм как два различных типа эмоционально-ценностной ориентации [5, с. 69-71].

Но: интересующая нас оппозиция „Ставрогин – П. Верховенский” как раз и отражает это противопоставление. Если Ставрогин олицетворяет „дух иронии”, то П. Верховенский – классический пример циника. Доминирование иронического начала в образе Ставрогина, а циничного – в образе П. Верховенского объясняет не только, почему П. Верховенский так настойчиво добивается расположения Ставрогина, но и причину их разрыва: „Цинизм с большой яростью разрушающий все прочие системы ценностей <...> максимально использует иронию именно как реакцию на иную эмоционально-ценностную ориентацию. Однако с тем большей энергией цинизм защищает от иронии свою последнюю ценность – собственное „я” циника, окутанное сентиментальностью...” [5, с. 70], в то время как для ироника „нет ни одной нравственной ценности, даже ценности собственного „я” [5, с. 71]. Именно в отношении к самому себе (для П. Верховенского собственное „я” – высшая ценность; для Ставрогина собственное „я” не имеет никакой ценности) – ключевое отличие главных героев романа Ф. Достоевского.

Ироническое восприятие действительности способствует тому, что „демиург”-Ставрогин, испытывая себя, моделирует (создаёт) мир, в котором существует, и людей, чьи судьбы ломаются от его прикосновения. Т. е., „асоциальные” поступки Ставрогина – всего лишь игра, испытание самого себя, своих сил... Но основные события романа происходят после последнего приезда Ставрогина в губернский город, – к этому времени он уже закончил все свои „опыты”, всё о себе понял (*„Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства,*

ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет ещё обман, – последний обман в бесконечном ряду обманов...” [2, с. 649]) и принял решение относительно своего будущего: „... я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури, и этого никто не знает. Там я уже купил маленький дом. У меня ещё есть двенадцать тысяч рублей; мы поедem и будем там жить вечно. Я не хочу никогда никуда выезжать” [2, с. 648].

Возникают вопросы:

- зачем Ставрогин, прежде чем навсегда уехать из России, приезжает в родной город?

- почему он пытается спасти всех тех – Марью Лебядкину, Лизу, Шатова, Кириллова..., – чьими судьбами равнодушно „играл” в течение последних пяти лет?

- и, наконец, что заставляет его совершить самоубийство?

В каноническом тексте романа Ф. Достоевского они не имеют ответов: „Ставрогин появляется в романе в ореоле тайны и уходит неразгаданным” [1, с. 133]. Отсюда – сложившееся в современном литературоведении восприятие образа Ставрогина как „русского Гамлета” или сфинкса („загадка Ставрогина”). Но ответы на эти вопросы несложно найти в главе „У Тихона”: диалог святого и еретика, наряду с самохарактеристикой героя (записки Ставрогина), многое проясняет в его мироощущении. При расставании со Ставрогиным Тихон впадает в транс: „Я вижу... я вижу как наяву, – воскликнул Тихон пронизающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести, – что никогда вы, бедный, погибший юноша, не стояли так близко к самому ужасному преступлению, как в сию минуту!” [2, с. 683-684].

Преступление, о котором говорит Тихон, – самоубийство. И Ставрогин, несомненно, понимает это: „Ставрогин даже задрожал от гнева и почти от испуга: „Проклятый психолог!” – оборвал он вдруг в бешенстве и, не оглядываясь, вышел из кельи” [2, с. 684]. Единственный раз на протяжении всего повествования мы видим, что Ставрогин способен испытывать сильное чувство. И это чувство – бешенство! Всё дело в том, что он больше не уверен в себе: „демон иронии” посмеялся над ироником, внушив ему страсть к Лизе. Nicolas до последнего момента не признаётся даже себе в том, что Лиза, любовь к ней, привнесла в его жизнь незнакомое ему до сих пор ощущение смысла существования (а ведь именно его он так долго и безрезультатно искал!), – по инерции он продолжает „играть”.

Но: если Ставрогин „под маской” ироника скрывает свои чувства к Лизе, то она не в силах побороть свою страсть к нему. Динамика их отношений раскрывается в двух эпизодах – гибели Ставрогина предшествует торжество победителя:

- к Ставрогину приходит Маврикий Николаевич, чтобы „отдать” ему Лизу, – человек, которым она пыталась заслониться, осознаёт невозможность её уберечь: „Из-под непрерывной к вам ненависти,

искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и ... безумие ... самая искренняя и безмерная любовь и – безумие!” [2, с. 376].

Nicolas торжествует, празднуя победу: „... улыбка сверкнула на губах его, – улыбка высокомерного торжества и в то же время какого-то тупого недоверчивого изумления”. Поэтому Ставрогину и смешон П. Верховенский, пытающийся „купить” его Лизой, – он уже победил: „А, это вы! – громко захохотал Ставрогин; хохотал он, казалось, одной только фигуре Петра Степановича...” [2, с. 375, 378].

• к Ставрогину приходит Лиза, чтобы отдаться ему: „... так как я и без того давно знала, что меня всего на один миг только хватит, то взяла и решилась” [2, с. 506].

Nicolas раздавлен, понимая, что окончательно погубил и её и себя: „Лиза, бедная, что ты сделала над собою?.. Зачем, зачем ты пришла ко мне?.. Зачем ты себя погубила, так уродливо и так глупо, и что теперь делать?” [2, с. 507]. Поэтому герои как бы меняются ролями – Ставрогин вдруг становится сентиментальным: „Лиза, – воскликнул он, – клянусь, я теперь больше люблю тебя, чем вчера, когда ты вошла ко мне <...> Ты не оставишь меня, – продолжал он почти с отчаянием, – мы уедем вместе, сегодня же, так ли?...” [2, с. 503], а Лиза – ироничной: „Знаете, Николай Всеволодович (кстати, немаловажная деталь – после „ночи любви” Ставрогин обращается к Лизе на „ты”, а она к нему – на „вы”. – С.Т.), я, пока у вас, убедилась, между прочим, что вы ужасно ко мне великодушны, а я вот этого-то и не могу у вас выносить” [2, с. 506].

Смерть Лизы обесценивает существование Ставрогина настолько, что делает невозможным осуществление задуманного ранее бегства из России и жизнь отшельника и, напротив, возможным ранее для него невозможное – покончить жизнь самоубийством!

В отличие от Ставрогина, П. Верховенский абсолютно предсказуем. Цинично прибегая к помощи людей, которых он не уважает, но использует для достижения собственной цели, П. Верховенский пытается и Ставрогина „приручить”, предлагая ему сыграть главную роль Ивана-Царевича (по сути – самозванца) в предстоящей смуте. Привычка манипулировать людьми развивает у П. Верховенского завышенную самооценку, поэтому отказ Ставрогина воспринимается им как минутная блажь. Он до конца не хочет поверить в то, что Ставрогин не станет играть по его правилам, в его игру: „Поймите же, что ваш счёт теперь слишком велик, и не могу же я от вас отказаться! Нет на земле иного, как вы! Я вас с заграницы выдумал; выдумал, на вас же глядя. Если бы не глядел я на вас из угла, не пришло бы мне ничего в голову!...” [2, с. 413]. Близорукость П. Верховенского – следствие его одержимости „бесами”, несущими соблазн эгоцентризма, воли к господству над себе подобными, способности преступать выработанные людьми моральные заповеди. Для него растление других – средство компенсации собственной неполноценности. Нигде не взять

П. Верховенскому того, чем при всех своих недостатках и при своей инфантильности наделён Ставрогин, – внутренней свободы.

Любопытно, но Ставрогина буквально боготворят все те, кого он „создал” – Марья Лебядкина, Шатов, Кириллов, наконец, тот же П. Верховенский... (Ср., Ставрогин – Шатову: „... вы, кажется, смотрите на меня как на какое-то солнце, а на себя как на какую-то букашку сравнительно со мной” [2, с. 250]). При этом Ставрогин не то что не ценит, а даже тяготится таким к себе отношением этих людей. А П. Верховенскому, напротив, при всём желании, не удаётся добиться подобного поклонения: „наши” (Виргинский, Липутин, Шигалев, Лямшин, Толкаченко) постоянно отстаивают своё „право свободы ... движений”. Чтобы добиться повиновения, П. Верховенскому приходится постоянно прибегать к разного рода ухищрениям и уловкам. Даже вопрос об убийстве Шатова среди „наших” вызывает разногласия – вплоть до того, что Шигалев, „единственно потому, что всё это дело, с начала до конца, буквально противоречит” его программе, отказывается принимать непосредственное участие в „замышляемом предприятии” и демонстративно покидает остальных [2, с. 279-280], а Виргинский и до, и после убийства пытается – пусть по-интеллигентски „деликатно” – протестовать [2, с. 277-585].

Как ни странно, единственно достойную позицию занимает Ставрогин, предупреждая Шатова о том, что его хотят убить. Реакция Шатова предсказуема – он возмущён: „Это нелепость!.. Я объявил честно, что я расхожусь с ними во всём! Это моё право, право совести и мысли ...” Ответная реплика Ставрогина говорит не только о его отношении к П. Верховенскому, но и о том, что он прекрасно понимает „лакейскую сущность” подобных ему людишек с „коротеньким умом”: „Знаете, вы не кричите... этот Верховенский такой человек, что, может быть, нас теперь подслушивает, своим или чужим ухом...” [2, с. 249]. В свою очередь, Шатов – в разговоре со Ставрогиным – тоже достаточно выразительно характеризует П. Верховенского: „Этот клоп, невежда, дуралей...” [2, с. 250]. А Федька Каторжный – в последнем разговоре-ссоре с П. Верховенским – замечает: „Господин Ставрогин пред тобою как на лестнице стоит, а ты на них снизу, как глупая собачонка, тьякаешь, тогда как они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитают” [2, с. 542]. Его слова буквально реализуются в главе „Иван-Царевич”, которая – в отсутствие главы „У Тихона” – вынужденно воспринимается как композиционный центр романа. Сошлёмся на наблюдения Ю. Карякина, который в своих комментариях к главе „Иван-Царевич” обращает внимание, с одной стороны, на динамизм повествования в этой главе: „... всё это время Ставрогин, ускоряя шаг, идёт по тротуару, а Петруша то семенит следом, то возле, то забегает вперёд... Представьте этот бешеный ритм движения, заданный Ставрогиным, и этот бешеный ритм речи, произносимой Петрушей...”; а с другой стороны, – на оппозицию

„верх – низ”, своего рода „знак” идейного противостояния героев: „Ставрогин всё время – „наверху”, Петруша – „внизу” [4, с. 320]. Характерно, что и после последнего всхлипа-крика П. Верховенского, понимающего, что ему не удастся уговорить Ставрогина взять на себя „роль Стеньки Разина”: „*Врёте вы, дрянной, блудливый, изломанный барчонок, не верю, аппетит у вас волчий!..*” [2, с. 413], – Ставрогин, не отвечая, идёт вверх по лестнице. Опять – „вверх”! В то время как П. Верховенский кричит ему – „снизу”!

Итак, попробуем схематично обозначить принципиальные различия между главными героями „провинциальной хроники” Ф. Достоевского:

П. Верховенский	Н. Ставрогин
отсутствие веры	поиски Бога
цинизм	ирония
желание „верховодить”, подчинять своей воле других людей	отказ от власти: вместо самозванства отшельничество
самодовольство	саморазрушение
мстительность	самопожертвование

И наконец, несколько слов о современных „бесах-верховенских” (Сегодняшний Н. Ставрогин – еретик. Современные „бесы” – вынюхиватели ереси.). О трагических пророчествах Ф. Достоевского, в своё время, немало писали Ю. Карякин, Л. Сараскина, Б. Тарасов etc [4; 6; 8]. Но, к сожалению, и сегодня „бесовщина” процветает как в политике (под маской либерально-демократических идей), так и в „массовом обществе”, которое „носорожьей” поступью движется в направлении а-утопии: отсутствие нравственных координат, неопределённость, взаимное отчуждение – следствие телевизионного занавеса и информационной помойки, насаждающих обывателям „новые старые ценности”: „...*стук телег, подвозящих хлеб человечеству, полезнее Сикстинской Мадонны*” [2, с. 223], – прагматизм с оттенком цинизма и „запойное” потребительство (Ср.: „... беда человека в том, что он, отказавшись от стремления к высшему, к духовным откровениям человеческого гения, может двинуться не к божественной высоте, а избрать дьявольскую, бесовскую духовность” [3, с. 143].).

1. Владимирская О.И. О возможных мотивах изъятия главы „У Тихона” из романа „Бесы” Ф.М. Достоевского / О.И. Владимирская // Русская речь. – 1990. – № 4. – С. 130-134.
2. Достоевский Ф.М. Бесы / Федор Достоевский. – М. : Правда, 1990. – 704 с.
3. Кантор В. Бесы versus Мадонна / В. Кантор // Октябрь. – 2007. – № 9. – С. 138-145.
4. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю.Ф. Карякин. – М. : Сов. писатель, 1989. – 656 с.

5. Касаткина Т.А. Эмоционально-ценностная ориентация иронии и её воплощение в романе „Бесы” Ф.М. Достоевского: Образ Николая Ставрогина / Т.А. Касаткина // Филологические науки. – 1993. – № 2. – С. 69-80.
6. Сараскина Л.И. „Бесы”: роман-предупреждение /Л.И. Сараскина. – М. : Сов. писатель, 1990. – 479 с.
7. Сараскина Л.И. Право на власть: Размышляя над первоисточником / Л.И. Сараскина // Октябрь. – 1989. – № 7. – С. 183-203.
8. Тарасов Б. Вечное предостережение: „Бесы” и современность / Б. Тарасов // Новый мир. – 1991. – № 8. – С. 234-247.

Аннотация

Анализ романа Ф. Достоевского „Бесы” осуществляется сквозь призму оппозиции „Н. Ставрогин – П. Верховенский”, которая ретроспективно отражает ситуацию борьбы добра и зла в современном мире. Подчёркивается, что решающее значение в их противостоянии приобретают ироническое мироощущение первого и цинизм второго: сегодня ставрогины – еретики, а бесы-верховенские – вынюхиватели ереси.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, оппозиция, борьба добра и зла, ирония, цинизм, ересь.

Summary

The analysis of the novel „Demons” by F. Dostoyevski is being carried out in the light of the opposition „N. Stavrogin – P. Verkhovenski” which reflects the situation of the struggle between good and evil in the contemporary world. It is underlined that the ironic attitude of the first and the cynicism of the second gain the decisive importance in their opposition: today stavrogins are heretics, and demons-verkhovenskis smell out the heresy.

Key words: F. Dostoyevski, opposition, struggle between good and evil, irony, cynicism, heresy.

Стаття надійшла до редколегії 28.12.2009 р.